
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России,
Московский государственный лингвистический университет,
ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва.

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Ph.D., Dr. Habil),
professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry
of Foreign Relations,
professor of the Moscow State Linguistic University,
scientific associate of the Institute for African Studies, Moscow.

E-mail: gal_sid@mail.ru

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАЦИИ В АЗИИ И АФРИКЕ

POSTCOLONIAL NATIONS IN ASIA AND AFRICA

Аннотация: статья посвящена монографии африканиста, социального антрополога, историка Дмитрия Михайловича Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», вышедшей в конце 2022 года. На основании значительного числа научной литературы и личных впечатлений, полученных в ходе исследовательских экспедиций в страны Азии и Африки, автор поднимает важные темы современности — формирование нации в эпоху массовых миграций, а также влияние их политкультурности на ход общественного развития. Сочетание исторического анализа и полевого антропологического материала позволили автору представить объективную картину формирования наций в странах Азии и Африки в постколониальный период, дать оценку их значимости в рамках историко-культурного процесса.

Ключевые слова: Азия, Африка, Запад, колониализм, постколониальные страны, нация.

Abstract: the article is devoted to the work of the African studies scientist, social anthropologist, historian Dmitry Mikhailovich Bondarenko «Postcolonial nations in a historical and cultural context», published at the end of 2022. Based on a significant amount of scientific sources and personal experience obtained during research expeditions to the countries of Asia and Africa, the author raises one of the most complex and controversial topics of our time — the formation of a nation in the era of mass migrations, as well as the impact of their political culture on the course of social development. Bringing together historical analysis and field

anthropological material allowed the author to give an fair picture of the formation of nations in Asia and Africa in the post-colonial period, as well as to assess their importance in the historical and cultural process.

Key words: Asia, Africa, the West, colonialism, post-colonial countries, nation.

Введение

В конце 2022 года вышла в свет книга члена-корреспондента Российской академии наук Дмитрия Михайловича Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте» под эгидой Института Африки РАН [4]. В монографии ставится ряд вопросов, затрагивающих современное состояние азиатских и африканских обществ, включая политкультурность отдельных стран, которым уделяется особое внимание. Акцентируя внимание на том, что колонизаторы «не стремились способствовать становлению наций в своих владениях, а, напротив, желали привить азиатам и африканцам чувство лояльности метрополии» [4, с. 266], автор доказывает, что освободившиеся от колониальной зависимости государства названных регионов изначально являются поликультурными, поскольку унаследовали границы колоний, в которых, как правило, объединялось множество народов. На конкретных примерах показано, что «национализм и колониализм имеют между собой глубинную социоисторическую связь, определяющуюся их эссенциальной значимостью для эпохи модерна, значимости ее культуры в самом широком смысле данного понятия» [4, с. 46].

Основу научного издания составляют исторический анализ и полевые антропологические исследования, проведенные в Танзании, Нигерии, Бенине, Руанде, Замбии и Уганде. Кроме того, в своих научных изысканиях Д. М. Бондаренко опирается на многочисленные научные труды авторитетных отечественных и зарубежных авторов, среди которых А. С. Балезин, Н. В. Громова, Н. А. Жерлицына, Р. Н. Исмаилова, Ю. М. Кобищанов, Н. Б. Кочакова, Л. Е. Куббель, И. В. Следзевский, А. М. Васильев, В. Р. Филиппов, а также D. V. Anderson, V. Andrews, C. E. Arthur, H. Becker, C. Beneke, V. R. Dorman, A. Eckert, O. Frahm, I. Geiss, A. Mohiddin, J. R. Saul и многие другие.

В структуру книги включены такие логично последовательные разделы, как «Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)», «Колониализм — постколониализм — нации», «Постколо-

ниальные нации в историко-культурном контексте: три примера», «Сложение наций в постколониальных странах в историко-культурном контексте нашего времени».

Нациеобразующие элементы в Новое время

Образование нации как «надэтнической общности людей, верящих в свое единство (т.е. общую для них национальную идентичность)» [4, с. 15] — довольно сложный и противоречивый процесс, вызывающий различные споры и толкования. Например, в Демократической Республике Конго уже длительное время идут дискуссии на тему конголезской нации, конголитэ (congolité). При этом в стране зафиксировано 450 этносов. Власти страны категорически запрещают образование партий или других объединений по этническому принципу, тем самым как бы стремясь к созданию конголезской идентичности в целом. Однако при знакомстве конголезцы обязательно поинтересуются тем, из какой провинции их собеседники, сразу же определив их этническую принадлежность. Это подтверждает живучесть этнических традиций и одновременно создает проблему объединения этносов в единую нацию.

Прежде чем перейти к анализу процесса нациеобразования в странах Азии и Африки, автор задается вопросом: что же называть на самом деле нацией? «Правильно ли считать “государственно оформленным этносом” [например] французскую нацию, если в ней до сих пор сохраняются элементы донационального культурного деления на Лангедок и Лангедойль» [4, с. 15]? Или, скажем, можно ли считать единой нацией итальянцев, проживающих на континентальной части и на острове Сардиния? При общении с «сардинцами» они будут рассказывать вам историю своего воинственного народа, о достоинствах островитян перед континентальными итальянцами, подчеркивая тем самым этническую разницу со всем остальным народом.

Так в чем же заключается проблема формирования нации? Автор монографии пытается дать ответ на этот вопрос и связывает данный процесс с пониманием того, что есть некая фундаментальная характеристика нации, обязательное условие (*sine qua non*). И этим неперенным условием является осознание себя гражданским обществом, «то есть наличие гражданского

общества и есть та самая характеристика нации *sine qua pop*» [4, с. 18]. Анализируется философская традиция понимания гражданского общества и его неизбежных амбивалентных отношений с государством, идущая от мыслителей раннего Нового времени, включая Т. Гоббса, Дж. Локка, а также деятелей эпохи Просвещения — Ш. Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Т. Пейна. Вместе с рассуждениями о связи нации с гражданским обществом дается оценка демократическому, авторитарному и тоталитарному обществам, которые так или иначе влияют на формирование нации. Приводится и иная точка зрения, например Ю. Хабермаса о том, что не демократия порождает гражданское общество и нацию, а наоборот [4, с. 19]. Прослеживая тенденции и закономерности развития государственности отдельных стран на протяжении длительного исторического периода, от Античности до эпохи Просвещения, автор приходит к выводу о том, что «нация — феномен эпохи модерна (Нового времени)» [4, с. 38], поскольку именно в то время основой сплочения общества стал выступать принцип национальности.

Колониализм и его наследие

Большая глава монографии посвящена эпохе колониализма. И это важно для понимания феномена нации, поскольку именно в колониальный период в пределах той или иной колонии за редким исключением насильно объединялось множество народов зачастую с отличавшимися друг от друга культурами, ранее не образующих региональных политико-экономических систем, находившихся на разных уровнях социокультурной сложности. В результате этническое многообразие обществ не стало основой для формирования единой нации: «в типичном случае в азиатских и особенно африканских странах нет “государствообразующего народа”, как, скажем, русские в России, испанцы (кастильцы) в Испании или англичане в Великобритании, хотя бы потому, что ныне постколониальные афро-азиатские государства создавались не местными народами, а колонизаторами» [4, с. 53].

Таким образом, колониальное государство не создало этничность как форму групповой и индивидуальной идентичности и солидарности в Азии или Африке. Более того, колониальные власти часто сталкивали одни народы с другими, выделяя при

этом элитные народы и привлекая их к местному управлению. Так было, например, в Руанде и Демократической Республике Конго, где колонизаторы считали этнос тутси более способным и покладистым в отличие от хуту, что породило этническую ненависть и привело к масштабному конфликту в 1994 году в Руанде. По разным данным, там было вырезано около 1 млн тутси [5].

Одним из факторов влияния на формирование нации является институт традиционных вождей, который сохранил в отдельных странах далеко не декоративную функцию. Хотя на этот счет имеется и другая точка зрения. Например, Дж. Л. Комарофф (J. L. Comaroff) считает, что «традиционность» современных традиционных правителей — это всего лишь «полуправда» [4, с. 131]. Главная мысль, которую проводит автор, это степень интеграции традиционной власти в современную систему государственных институтов. Недостаточное их вливание в систему общенациональных институтов на адекватном им уровне местного и регионального управления порождает трайбализм — лояльность граждан, направленную, прежде всего, на локальный (племенной, этнический, региональный), а не национальный уровень существования социума.

Во многих постколониальных странах, в частности арабских и африканских, сохранились племена и вождества. Так, например, в Демократической Республике Конго в парламенте можно встретить депутатов с явными признаками традиционного вождя. Это — наличие символа власти в виде кисточки из хвоста слона, характерной косынки или каких-либо других атрибутов могущества. Колониальные власти ослабили этот традиционный институт, но не уничтожили, придав ему новые черты. Доминирование современного государства над традиционной властью не лишает вождей и старейшин их авторитета у подопечной им общины. Обычаи и традиции, хотя и уходят в прошлое, тем не менее продолжают играть важную роль в современном обществе [9].

Автохтонные правители, по мнению автора монографии, «хорошо интегрируются в систему современных политических, экономических и социальных отношений, получают большие личные выгоды, в том числе материальные от нахождения между своими подданными и государством, в чем поднаторели еще их предшественники в колониальный период» [4, с. 130].

Несмотря на то что традиционная власть призвана проводить политику действующего режима, с ее стороны известны многие случаи протестных акций, в том числе и сепаратистского характера. В одном из писем, обращенном к Генсекретарю ООН, Президенту Демократической Республики Конго Ж. Кабиле, председателю Совета Безопасности ООН, постоянным членам Совета Безопасности ООН и главам дипломатических миссий в Киншасе, старейшины провинции Катанга настойчиво проводили мысль о необходимости образования шести независимых республик вместо целостного государства — Демократическая Республика Конго, — включая исторические провинции Леопольдвиль, Экватор, Восточную, Киву, Касаи и Катангу. «Разрешением политического кризиса может быть только раздел страны», — утверждали они [8]. Тем не менее, по мнению автора, власть вождей-правителей сегодня видится менее авторитарной и более консенсусальной, чем ее было принято считать ранее [4, с. 94].

Таким образом, этнические связи с их вождизмом и «племенной» психологией продолжают оставаться крепкими, несмотря на влияние, а иногда и прямое давление на них современных институциональных структур. «В подавляющем большинстве постколониальных обществ, как и в доколониальные и колониальные времена, распространена большая (иначе — расширенная) семья» [4, с. 50], — утверждает автор монографии. Этой же проблеме посвящена недавно вышедшая в свет книга Э. С. Львовой «Традиции в постколониальной Африке южнее Сахары» [6].

Возвращаясь к теме колониального наследия стоит отметить важность поднятого в книге вопроса о преградах, которые чинили колонизаторы на пути к формированию нации. «Колониальные державы не имели ни желаний, ни возможностей создать в Африке работающие “модели” своих собственных политических институтов», — цитирует автор известного африканиста П. Шабалья [4, с. 51, 318]. Более того, реальным препятствием в колониальные времена было поощрение этнического плюрализма, построенного на превосходстве одних народов над другими. Западные «лекала» по национальному вопросу также не подошли государствам Азии и Ближнего Востока. Таким образом, формирование нации в постколониальных государствах происходит не по европейскому образцу в отличие, например, от государственно-

го устройства или конституционных основ, а при опоре на собственные исторические традиции. Часто национальное единство постколониального общества определялось деятелями национально-освободительного движения «не как наличная социальная и культурная реальность, а как цивилизационный проект, призванный поднять африканские общества до уровня требований и международных норм национального государства», — ссылается автор на слова И. В. Следзевского [4, с. 58]. Хотя на самом деле процесс этот довольно болезненный, противоречивый, вызывающий бурные дискуссии и, по всей видимости, затяжной, поскольку многие африканские и азиатские общества по-прежнему остаются полиэтничными. А политэтничность стран Африки и Азии имеет значительные отличия от европейских государств.

В связи с этим возникает другой вопрос — об определении этничности и ее происхождения. Автор придерживается мнения о том, что в странах Азии и Африки «этничность существовала до и помимо его [колониализма] влияния» [4, с. 54]. С этим суждением вполне можно согласиться, поскольку, как видится, принадлежность к тому или иному этносу или народности определяется самим индивидом как устоявшаяся осознанная его убежденность в этом, основанная на историческом прошлом, а также известной (редко далее четвертого колена) генеалогии родства или поддерживаемых клановых традиций.

На примере Нигерии автор рассуждает о проблемах с построением национальной идентичности на внутригосударственном уровне. Так, в результате полевых исследований автору удалось установить, что нигерийцы обнаруживают черты нации, доминирующие над этническими: проживание по обе стороны нигерийско-нигерской границы хауса уже на рубеже 1980—1990-х годов разделяли гражданства Нигерии и Нигера [4, с. 63]. То же самое наблюдалось у нигерийских и бенинских йруба в начале 2000-х годов. Ярким является высказывание Президента Габона О. Бонго: «Я ненавижу, когда говорят: я фанг, я батекке, я ишира. Ты габонец, а уже потом ты традиционно принадлежишь к какому-то кругу» [4, с. 59]. Таким образом, предпосылки к созданию африканских наций существуют. И эти тенденции становятся всё более очерченными по мере развития демократических процессов в государствах. Есть примеры и искусственного принуждения

к объединению нации. Например, Эритрея, возникшая как государство позднее других на континенте, когда уже шла третья волна демократизации. Как верно подметил автор, «власть откровенно игнорирует ею же написанную конституцию и использует в том числе прямые методы фактически принуждения граждан к национальному единению, характерные для однопартийных и откровенно диктаторских режимов» [4, с. 73].

Конечно, формирование демократии в отдельных странах Азии и Африки не всегда развивается в позитивном ключе. По этому поводу мнения ученых расходятся. Автор не в полной мере согласен, например, с высказыванием Т. С. Денисовой, которая утверждает, что «ожидания, связанные с начавшейся в Африке в конце XX в. демократизацией, ...оказались необоснованными» [4, с. 69]. Несомненно, африканцы добились определенного прогресса на пути к демократии. Об этом свидетельствуют легитимные выборы президента в большинстве стран континента, а также созданная вертикаль власти. Более того, например, в Демократической Республике Конго к власти законным путем в конце 2019 года пришел лидер оппозиции Феликс Чисекеди, сын известного оппозиционера Этьена Чисекеди. 20—30 лет назад об этом трудно было даже подумать и представить, как изменится политический ландшафт страны. Во властных структурах всё больше появляется грамотных и образованных политиков, способных самостоятельно мыслить и управлять государственными делами. И было бы правильно думать, что в Африке демократия как форма правления ныне имеет широкую общественную поддержку даже в странах, «в которых она на данный момент не установилась» [4, с. 91].

Тем не менее после обретения африканскими странами независимости, демократические политические режимы, учрежденные в поздний колониальный период, «оказались абсорбированными и перекодированными установившимися в них однопартийными авторитарными и попросту диктаторскими режимами» [4, с. 69]. По утверждению автора, вследствие копирования, добровольного или под давлением извне, этих институтов постколониальное государство не может автоматически усвоить присущего ей содержания [4, с. 69]. Таким образом, в постколониальных странах, следуя выводам Д. М. Бондаренко, строитель-

ство наций с самого начала — с момента получения колониями независимости — «было инициировано и направлялось внешней по отношению к обществу, вставшей над ним силой» [4, с. 72].

И еще один важный фактор нациообразования, на котором акцентирует внимание автор. Это признание государства как главного инструмента этого процесса. Автор соглашается с рядом авторов, включая мнение Э. Е. Лебедевой о том, что африканское государство в целом не смогло выполнить эту задачу, то есть общая направленность основных социокультурных потоков «сверху вниз» сохраняется, но это работает плохо. В результате ведущей роли государства в образовании постколониальных наций меняются сама сущность стран, их природа и характер в отличие от сложения наций на Западе. По мнению автора, суть проблемы в том, что постколониальное государство «зачастую оказывается недостаточно эффективным с точки зрения своей собственной исторической и социокультурной логики» [4, с. 90]. А выборы в постколониальных странах часто оказываются не механизмом сплочения общества вокруг национальных ценностей и разрешения накопившихся противоречий, но, напротив, «провокаторами или детонаторами тяжелых социально-политических кризисов» [4, с. 95].

Политический плюрализм стран Азии и Африки не является гарантом стабильной демократии и часто становится псевдодемократией. Это происходит в силу того, что многие партии создаются на этнической основе, а не на общенациональной идее. Результат очевиден. Декларативные лозунги о демократии и многопартийности скрывают нередко сущность авторитарных политических систем, которая всё же всплывает на поверхность и приводит к затяжным кризисам. Так было в Республике Конго, например, где переход в 1990 году к многопартийности приобрел «декоративный характер» [4, с. 98] и привел к политическому хаосу. Другой пример — Мозамбик, где, несмотря на переход от однопартийности к многопартийности, государственное устройство так и не поменяло своей сущности. В результате государство лишь персонифицируется с его главой, «живым воплощением, можно сказать, вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина» [4, с. 98]. Президент Габона Омар Бонго правил страной 42 года, Мобуту Сесе Секо в Заире находился у власти

32 года. За несколько месяцев до его свержения был провозглашен характерный лозунг «Единственный народ, единственная партия, единственный вождь!». Статус пожизненного главы государства имели Хабиб Бургиба (Тунис), Кване Нкрума (Гана), Сукарно (Индонезия) и другие. Исходя из результатов проведенного опроса жителей Уганды из разных слоев общества, автор делает заключение, что в целом низкий образовательный уровень населения в афро-азиатских странах является важным препятствием на пути подлинной демократии и сложения наций [4, с. 100]. С этим вполне можно согласиться, поскольку население многих африканских стран южнее Сахары, особенно в сельской местности, не понимает смысла ни конституции, ни роли властных структур, ни политики, проводимой в стране. Даже красочно изданные брошюры в картинках в помощь избирателям не всегда бывают эффективным инструментом предвыборных кампаний. Единовождь страны куда понятнее для большинства африканцев! Преодолеть этот стереотип взаимодействия граждан и властей вряд ли можно в одночасье, поскольку традиции, передаваемые из поколения в поколение, гораздо более живучи, чем какие-либо институциональные изменения (нововведения). Хотя, конечно, современная молодежь, занятая в управленческой сфере, получившая образование в институтах Европы и Америки, так называемая националистически настроенная интеллигенция, мыслит иначе и может противостоять традиционным устоям.

Историко-культурный контекст постколониальных наций (на примере Танзании, Замбии и Уганды)

Автор монографии, опираясь на своей большой практический опыт полевых исследований в Африке, утверждает, что сегодня Танзания ближе, чем большинство африканских стран подошла к появлению нации в ее классическом понимании как сообщества сограждан, принадлежащих к одной национальной культуре, где «общегражданская идентичность доминирует над частными и локальными идентичностями» в отличие от Уганды и Замбии, где частные и локальные идентичности значимее общегражданской [3]. Разница кроется в их историческом прошлом — доколониальном и колониальном. В Танзании социокультурная основа начала формироваться еще задолго

до установления колониального режима. Ее сущность составила культура суахили с ее письменным языком и богатой литературной традицией [1]. Важную роль сыграли европейские миссионеры, которые проповедовали на суахили и сделали его языком преподавания в миссионерских школах [4, с. 152]. Язык суахили стал интегрирующим элементом национально-освободительного движения в стране в 1950-е годы. И сегодня большая часть танзанийцев «с гордостью причисляет себя к носителям суахилийской культуры, воспринимая ее как автохтонную — однозначно африканскую, не связанную с колониальным наследием» [2]. Язык суахили, как и в целом вся суахилийская культура, это, по убеждению танзанийцев, — «исток и основа танзанийской нации, ...не обязанной своим происхождением европейцам и европейскому колониализму» [4, с. 155—156].

В книге отмечается, что в Танзании наблюдается низкий уровень значимости этнической самоидентификации по сравнению с другими странами Африки. Об этом свидетельствует, например, большое число межэтнических браков, высокая степень интенсивности позитивного общения с людьми разного этнического происхождения, практически отсутствие конфликтогенных факторов. Отмечается, что «в большинстве случаев регионы, воспринимаемые танзанийцами как родные, полиэтничны [4, с. 155].

По сравнению с Танзанией перспектива построения наций в Замбии и Уганде иная. Там имеются некоторые сдерживающие этот процесс факторы. Власть традиционных вождей, о которых уже упоминалось, в этих странах — современная реальность. «Традиционные правители не стали просто колониальными чиновниками, но в большинстве случаев одновременно оказались и чиновниками, и правителями» [4, с. 177].

И сегодня, по утверждению автора, институт традиционности есть результат сочетания преемственности от доколониального института правителей с изменениями, произошедшими в нем по воле колонизаторов и постколониальных государственных властей. В качестве иллюстрации приводится система косвенного управления, изобретенная Фредериком Лугардом, которая изменила во владениях Великобритании сущность традиционных политических институтов и функции вовлеченных в их деятельность людей — носителей традиционной власти — в весьма

немалой степени [4, с. 177]. Таким образом, туземная администрация, как правило из привилегированных этносов, стала частью аппарата управления, которая назначала вождей. Лишь изредка вожди действительно были выходцами из традиционной знати. Назначенцы помогали колониальным властям эффективно управлять местным населением. И «это был своего рода великий обман миллионов простых жителей колоний», как справедливо отмечает автор [4, с. 180]. Впоследствии Президент Замбии Кеннет Дэвид Бучайзья Каунда предпринял попытку преодоления этнических разногласий, выступил за консолидацию нации, однако в стране продолжался процесс формирования партий по этническому принципу. В 1990-х годах власть и влияние традиционных институтов усилились.

Похожая картина наблюдается и в Уганде, где Президент Йовери Мусевени официально признает традиционных правителей, опирается на них в стремлении утвердить возглавляемое им Движение национального сопротивления как единственную политическую силу в стране. Как и в Замбии, в Уганде институт традиционных вождей повторно признавался государством именно как «церемониальный, как дань народным традициям и должен был стать институтом сугубо культурным, а не политическим» [4, с. 192], и это объяснялось неспособностью властей сплотить вокруг себя нацию. Однако в результате, как в Замбии, так и в Уганде, традиционные вожди быстро заняли место в политической нише этих стран. Помимо прочих проблем образования единой нации выделяется проблема севера Уганды, где уже несколько десятилетий идет гражданская война. В отличие от юга страны, где существенным препятствием нациеобразования является трайбализм, в северных районах едва прослеживается тенденция народов к признанию легитимности государства [4, с. 196].

Путь к сплочению нации у многих африканских стран сопровождается многочисленными побочными проблемами, без решения которых существенно тормозятся демократические преобразования. Помимо наследия колониализма это также многочисленные локальные и межгосударственные конфликты, социальные неурядицы, эпидемии и многое другое. Кроме того, у африканцев в отличие от европейцев — другие политические культуры, социальные институты, системы ценностей. Однако,

как утверждает автор, в подходе к идентичности есть некая парадоксальность [4, с. 212]. Выступая против засилья Запада, идеологи независимости в Азии и Африке одновременно видели путь к подлинному самоопределению и строительству наций именно по западному образцу, то есть «чтобы сделать освободившиеся страны, пусть и культурно специфическими, но сущностно подобными странам Запада» [4, с. 212].

Наряду с этими факторами поднимается также вопрос влияния миграций на размывание связи между территорией и нацией. В постколониальных странах-донорах «национальные сообщества чаще всего еще только формируются и потому уже на стадии сложения включают в себя экстерриториальность как важный признак, поскольку значительная часть членов этих сообществ оказывается вне его исходных территориальных рамок» [4, с. 230]. При этом мигранты поддерживают тесные связи со своими родственниками и оказывают им поддержку, а также пытаются участвовать в политической жизни родной страны.

Заключение

Д. М. Бондаренко в своей академической работе «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», написанной на обширном полевом материале, собранном автором монографии в целом ряде постколониальных государств, а также опираясь на анализ авторитетных отечественных и зарубежных авторов, последовательно исследует предысторию постколониальных государств, вскрывает глубинные проблемы построения национальных государств в Азии и Африке. На примере отдельных стран автор теоретически обосновывает неразрывную связь суверенных азиатских и африканских стран с их колониальным прошлым и анализирует проблемный характер развития афроазиатских обществ в целом. Помимо этого монография видного ученого-африканиста ставит новые задачи для поиска их научного разрешения, дает «пищу» для размышления и осмысления современных политических процессов в мире.

Литература

1. *Бондаренко Д.М.* Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки // Вестник Российской академии наук. — Т. 92. — 2022. — № 1. — С. 86—96.

2. *Бондаренко Д.М.* Образование и толерантность в Танзании (по материалам Российской антропологической экспедиции 2003 и 2005 гг.) // Джулиус Камбараге Ньерере — первый президент свободной Танзании / ред. Ю.Н. Винокуров. — М.: Институт Африки РАН, 2010. — С. 56—62.
3. *Бондаренко Д.М.* Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое // Культурная сложность современных наций / ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. — М.: Политическая энциклопедия. — 2016. — С. 224—240.
4. *Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. — М.: Изд. дом ЯСК. — 2022. — 400 с.
5. *Кривушин И.В.* Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. — М.: Изд. дом «Высшая школа экономики». — 2015. — 527 с.
6. *Львова Э.* Традиции в постколониальной Африке южнее Сахары. — М., 2022. — 96 с.
7. *Филиппов В.Р.* «Советская теория этноса». Историкографический очерк. — М.: Институт Африки РАН, 2010. — 214 с.
8. Lettre des Notables katangais. Groupe d'opinion qui lutte pour l'indépendance du Katanga. — Lubumbasha, le 26 janvier 2012. — P. 4.
9. *Mambi Tunga-Bau Héritier.* Pouvoir traditionnel et pouvoir d'Etat en R.D.Congo contemporaine. — Kinshasa: Médiapaul, 2010. — 375 p.